

Константин СИМОНОВ

ЗАНАВЕС ОПУСКАЕТСЯ...

(ОПЫТ НАДГРОБНОГО СЛОВА В СВЯЗИ С ГРАЖДАНСКОЙ СМЕРТЬЮ БЫВШЕГО ПИСАТЕЛЯ ДЖОНА Б. ПРИСТЛИ)

Жил-был английский писатель Джон Бойнтон Пристли. По сведениям американского справочника «Авторы XX века», родился Пристли в 1894 году. Написал несколько романов и много пьес и в одной из них — «Когда мы поженимся» — даже, оказывается, сыграл главную мужскую роль. Писал сценарии для Голливуда, много путешествовал, особенно по Соединенным Штатам. От времени до времени делал благонамеренные политические заявления о том, что, имея «ярко выраженные левые тенденции», он в то же время занимает «твердые антикоммунистические позиции». Признан в любви к Соединенным Штатам Америки и в первые признательности хвастался, что знает об их жизни и истории больше, чем другие английские писатели. Словом, несмотря на свои «левые тенденции», человек был благонадежный, основ не подорвал и материализма не любил.

А впрочем, почему — несмотря? Еще, чего доброго, у читателя создается впечатление, что «левые» тенденции Джона Б. Пристли были чем-то таким, что при всех его «твердых антикоммунистических позициях» все-таки чуть-чуть подмывало ему репутацию в глазах лиц власти, держащих и дома, в Англии, и за океаном, куда он так любил путешествовать.

Ничуть не бывало. Именно «левые» тенденции Джона Б. Пристли как раз и радовали лиц власти, держащих. Хозяинство ведь большое: в нем нужны не только одни правые ку-клукс-клановские рычания — «Повешу!» и «Зарежу!» В нем нужны и бойкие «левые» перья, вроде пера Джона Б. Пристли, ибо именно такие перья и создают видимость буржуазных свобод. О том, чтобы опрокинуть мону-мент капитализма, они, разумеется, не помышляют. Зато, завидев на теле капитализма какую-нибудь пустяковую бородавку, они готовы вопить о ней на весь мир с таким шумом, что и впрямь можно подумать, что есть на буржуазном свете свобода слова и они — ее апостолы.

А ведь только этого и нужно было лицам власти, держащим, тем более, что бородавка, невзирая на шум, разумеется, остается на месте.

В то же время, обличая ее и, так сказать, кормя ее, люди, вроде Джона Б. Пристли, успевают прослыть неподкупными общественными деятелями, где-то такое и что-то такое ужасно смело выдвигаются и поднимаются, правда, что именно и ради чего именно, — понять трудно.

Но в этом-то как раз и ценность таких «левых»: глядишь, одних обманут своей болтовней, уверят, что, важной борьбы с бородавкой ничего на свете нет; а других повергнут в сомнение — может, про бородавку только для начала, а там займутся и чем-нибудь посерьезней. (Сомнения напрасные, — не займутся!).

И вот живет и пишет такой «левый» деятель на поприще буржуазной литературы то о том, то о сем: то посетует на аловредный аристократизм какого-нибудь лорда, то, щекоча нервы себе и зрителям, завлекательно пройдет по темным углам буржуазной морали; то расчехлит зарвавшегося быку-капиталиста и прижмет к любовному сердцу добродетельного персонажа из рабочих, не забыв при этом наметнуть на возможность классового мира; то вдруг заявит, что Уильям Рандольф Херст в Америке пользуется большими привилегиями, чем герцог Норфолькский в Англии, и поэтому, дескать, британская демократия выше американской.

Трудно, да и, по правде говоря, нет охоты сейчас рецензировать все вышедшее из-под столь же плодотворного, сколь и бойкого пера Джона Б. Пристли. Как человек, не лишенный ни юмора, ни таланта, он обладал своею многолетнее «левое» прислужничество лицам власти, держащим обычно в более занятые и умело замаскированные формы, чем люди, состоявшие на той же службе, что и он, но обладавшие меньшим талантом и меньшим юмором. То, что он писал, порою снижало к себе внимание не только тех немногих людей, чьи интересы он защищал (такое внимание вполне естественно), но и части тех многих людей, чьи интересы он предавал на своем литературном поприще, не больше и не меньше, чем любой другой социал-предатель на поприще своей парламентской или профсоюзной деятельности.

Иногда для поддержания его «левого» авторитета его слегка журил за «левизну» кто-нибудь справа, и он, отчасти оправдываясь, вместе с тем с кокетливой смелостью, или, верней, со смелым кокетством, отчасти подтверждал свою «левизну», стремясь снова разжечь затухающие симпатии читателей.

Иногда, зная, что доброе слово, сказанное о Советском Союзе — это ключ к сердцу простых людей, он прибегал к декларациям о своих симпатиях к Советской стране. Он писал предисловия к книгам советских писателей, говорил притворно дружелюбные речи и даже ездил в Советский Союз, для того чтобы, по примеру Андре Жиде, оставить себе про запас возможность наклеветать на эту страну (важного правдоподобия ради ссылаясь на «личные впечатления»).

Так до сравнительно недавнего времени протекал первый этап деятельности Джона Б. Пристли.

С видом потрясения основ критика в своих романах и пьесах бородавки капитализма, в статьях он то попиал с комплиментами жаловался на некоторые ку-клукс-клановские крайности американцев, то выступал с тщательной засахаренной лживостью на русских, превосходно чувствуя себя в давно отведенной для него свыше роли «левого» идеологического амортизатора летящей по ухабам машины английского империализма.

Правда, эту роль никак нельзя было назвать самостоятельной, но на самостоятельность Джон Б. Пристли и не претендовал, а изображать видимость самостоятельности ему никто не мешал.

Но вот в мире произошло нечто, поставившее под угрозу сохранение этой видимости и тем самым невероятно переу-

гавшее и рассердившее Джона Б. Пристли и ему подобных. Это нечто было движение борьбы за мир.

Это всемирное движение привело Джона Б. Пристли в ужасный гнев. А причина гнева заключалась в очень простом обстоятельстве: человеку, который всю жизнь не говорил ни «да», ни «нет», предложили сказать: «да» или «нет». Не трудно представить себе, как он рассердился при этом бестактном вопросе, не учитывая вавшем профессиональных особенностей его деятельности вечного соглашателя.

Весной 1949 года сторонники мира пригласили на свой Парижский конгресс в числе других английских писателей и Джона Б. Пристли. Он без всяких колебаний отверг это приглашение, угрожающее опасной для него необходимостью отвечать «да» или «нет» или во всяком случае что-то близкое к этому. Джон Б. Пристли, конечно, понимал, что если он перед лицом собравшихся в Париже сторонников мира скажет «нет», объявит опасность войны несуществующей, а движение за мир — «московской пропагандой», то ему не угрожает ничего, кроме презрительного молчания зала. Однако говорить прямо «нет» в то время считалось еще не по его части. Для этой цели в оркестре идеологических слуг империализма были другие музыканты, игравшие на других инструментах.

Отважиться же в жаде англодисментов сказать «да» — значило вообще вылететь из оркестра. Ибо одно дело критически рассуждать о сравнительных привилегиях Херста и герцога Норфолькского, или критиковать лейбористское правительство за невнимание к английскому театру, или говорить «ай-дай-ай!» каким-нибудь слишком невежливым американцам, а другое дело сказать: «Да, империализм готовит войну». Тут можно костей не собирать, если не от своей персоны, то, по крайней мере, от своего бывшего благополучия.

Вместо ответа «да» или «нет» Джон Б. Пристли кокетливо сообщил, что он слишком утомился от председательства в конференции на международных театральных конференциях, кроме того, вообще не верит в успех всяких совещаний и поэтому не будет иметь удовольствия присутствовать на Парижском конгрессе.

Так и пришлось Парижскому конгрессу обойтись без Джона Б. Пристли, и на заключительном митинге в Париже, в связи с этим обстоятельством, было всего пятьсот человек, а не пятьсот тысяч, как было бы в противном случае.

Обошелся и Джон Б. Пристли без необходимости сказать «да» или «нет». Однако он все-таки чувствовал если не душевную, то, по крайней мере, деловую потребность сказать что-нибудь оригинальное насчет вопросов войны и мира. Слишком уж были заняты этим вопросом души читателей Джона Б. Пристли, а так как состояние душ читателей имело отношение не только к состоянию души писателя Джона Б. Пристли, но и к состоянию его кармана, то он не рискнул оставить без ответа эти душевные запросы.

В результате на сценах английских театров появилась пьеса «Сон в летний день», где в форме, достаточно условной для того, чтобы потом оправдываться, что это только шутка, живописалась Англия, дотла разрушенная атомной войной, и высказывалась мысль, что атомная война не такое уж бедствие, поскольку оставшиеся в живых англичане, благодаря ей, получили возможность вернуться к идиллическому образу жизни, возделывать огороды, варить пиво, а по вечерам музицировать и читать Шекспира.

Однако эта пьеса с двойным дном, где на поверхности было шутство, а в подоплеке — циничное утверждение о неизбежности войны, не имела ожидаемого автором успеха. В конце концов, слишком мало людей жаждут представить войну как неизбежность и слишком многие жаждут избежать этой мнимой неизбежности.

Но Джон Б. Пристли не успокоился в своих циничных попытках отшутиться от вопросов войны и мира. Как это часто бывает с людьми, ни за что не желающими внятно сказать ни «да», ни «нет», он попытался заменить серьезные человеческие слова скабрёзным животным хохотом. Именно с таким хохотом в одной из своих статей, повторив вначале чужие запы, смысл которых сводится к тому, что американские военные базы во всем мире, конечно же, созданы для «обороны», в дальнейшем Джон Б. Пристли с хихиканьем, подчеркивающим, что он, разумеется, шутит, предложил всем государствам разоружиться и одновременно, «для того, чтобы не оставаться совсем беззащитными, изготовить по дешевой цене достаточное количество острых ножей и свиновозов па-лок и вооружить ими каждого человека во всех странах, ибо таким оружием можно пользоваться лишь у себя на родине, чтобы разбивать головы и резать глотки захватчикам».

Я не мог удержаться и не привести эту питу, показывающую и уровень юмора Джона Б. Пристли, и уровень его цинизма, и, я бы сказал, уровень его растленности. Когда в мире миллионы людей поднимают один из самых серьезных вопросов современности — проблему запрещения атомного оружия, — отшутиться от этой проблемы при помощи потовни о пожах и свиновозов папках, значит пытаться отвлечь от нее внимание, то есть, по существу, желать, чтобы она не была решена. В этом как раз и был смысл на первый взгляд бессмысленных шуток Джона Б. Пристли. Однако он и здесь еще не пренебрегал фигурными лекциями.

Впервые бесповоротно пренебрег он ими, когда ему предложили подписать Стокгольмское Воззвание о безусловном запрещении атомного оружия и объявлении военным преступником правительство той страны, которое первым его применит.

Джон Б. Пристли предстал перед скорбным фактом невозможности отболтаться. Тут уже было невозможно сказать, что он вообще за, а в частности против, или что-нибудь другое, такое же привычно каучуковое, ни к чему решительно не обязывающее и в то же время сохраняющее вид порядочности. Здесь нельзя было ни болтать, ни хихикать, ни щеголять дешевыми парадоксами; здесь надо было

просто поставить свою подпись. Тем более, что ему об этом публично, в печати напомнили люди, о которых он в свое время (и тоже в печати) писал, что ценят их мужественную борьбу против военных преступников. Эти люди спокойно и вежливо напомнили ему, что пора бы английскому писателю Джону Б. Пристли высказать свое недвусмысленное отношение к новым военным преступникам, заранее считая таковыми тех, кто первым сбросит атомную бомбу. Напомнили ему об этом и английские писатели.

Боже мой, как завизжал в ответ на это спокойное напоминание Джон Б. Пристли! Он написал ответ, потом еще один ответ, потом дополнение к ответам. Он сделал вид, что страшно обижен тем, что кто-то что-то позволяет себе ему напоминать. Он, потеряв остатки юмора, отказался сотрудничать со сторонниками мира на том смешотворном основании, что русские не участвовали в международных театральных конференциях, где он председательствовал.

И, наконец, к удовольствию тех, критикой чьих бородавок Джон Б. Пристли занимался в былые времена, он предложил заменить запрещение атомной бомбы — разоружением Советской Армии.

Было бы несправедливо рассматривать весь этот визг Джона Б. Пристли только как правильное понимание своего долга служащего, который до поры до времени для того и числится «в левых», чтобы именно в такой ответственный момент вдруг завизжать громче и злей всех.

Все это, конечно, так: служебный долг — служебным долгом, но для людей, у которых привычка к ношению маски стала второй натурой, сдирание маски — процедура болезненная. Именно поэтому в этом визге, который издал Джон Б. Пристли по долгу службы, отчетливо слышались и его собственные вполне эмоциональные скулящие ноты. Он был смертельно обижен на невежливое «или — или», на которое ему, саморазоблачаясь, пришлось ответить: нет!

На этом визге, изданном весной прошлого года, можно, пожалуй, покончить со вторым этапом деятельности Джона Б. Пристли и перейти к третьему — нынешнему.

Началом этого этапа можно считать маленькую заметку, напечатанную 11 сентября прошлого года в английской газете «Дейли геральд».

«Вчера был радостный день для миссис Барбары Уайлхэм-Барнз и Дж. Б. Пристли — ее отца-писателя. Ее муж, подполковник Королевского воздушного флота Питер Уайлхэм-Барнз, специалист в области ночных полетов, только что был награжден в Токио американской Серебряной звездой за участие в воздушных налетах на Северную Корею. — Я в совершеннейшем восторге и страшно горжусь, — заявила она. — Мой отец — тоже».

Удивляясь «совершеннейшему восторгу», в который пришел Джон Б. Пристли оттого, что его зять столь удачно по ночам убивал корейских женщин и детей, разумеется, не приходится: два предыдущих этапа его деятельности довольно закономерно подготовили этот третий.

Когда человек начинает с высказываний против борьбы за сохранение мира, то он в конце концов приходит к высказываниям, пропагандирующим войну.

Джон Б. Пристли, очевидно, не желая отставать от своего зятя, проделал этот путь поистине со скоростью ночного бомбардировщика.

Не останавливаясь на мелькании попутных деталей, рассмотрим последний пункт этого неприятного пути — статью Джона Б. Пристли «Занавес поднимается», напечатанную в том самом беспримерном в истории даже американской журналистики октябрьском номере журнала «Кольерс», который, как уже сообщалось в нашей печати, от первой до последней страницы посвящен описанию будущей войны против Советского Союза.

Этот номер журнала является, если можно так выразиться, многогранным трудом малоизвестного коллектива авторов; которые в обычной своей деятельности — ярые сторонники индивидуализма, но на этот раз решились на коллективное мероприятие, увлеченные, с одной стороны, сверхчеловеками, а с другой — сверхчеловеками, наконец, хоть на бумаге, стереть в порошок ненавистную им страну социализма.

Каких только фигур нет в этом паноптикуме бандитов пера и каких только граней нет в их многогранном человеко-ненавистничестве! Тут и радиокомментатор Мерроу, ранее так же, как и зять Джона Б. Пристли, подвизавшийся в Корее, а ныне на страницах «Кольерса» сбрасывающий атомную бомбу на Москву. Тут и военный обозреватель «Нью-Йорк таймс» Болдуин, в былые времена несколько раз проектировавший занятие Москвы при помощи Гитлера, а теперь занявшийся этим при помощи «Кольерса». Тут и военная корреспондентка «Нью-Йорк геральд трибюн» Маргарита Хиггенс, проявляющая в своей статье примерно ту же трогательную заботу о женщинах России, что сейчас американцы проявляют о женщинах в Корее. Тут и Стюарт Чейз — «экономист», заботящийся в своей статье о восстановлении экономики Полтавы, для чего ему, разумеется, понадобилось сначала разрушить упомянутый город. Тут и рисунки американского военного художника Молдина, который после второй мировой войны в своей книжке воспоминаний с откровенностью юного идиота признался, что «был слишком молод, чтобы понимать, для чего и из-за чего велась война», — по теперь, очевидно, настолько повзрослел, что готов рисовать картины новой войны из-за того или, вернее, для того, чтобы получить за них новую пачку долларов.

Здесь и наш старый знакомый — Джон Б. Пристли. В общей программе этого коллективного людоедского сочинения Джон Б. Пристли взял на свою долю вопросы литературы и искусства и изложил их в виде дневника своего предполагаемого в 1960 году путешествия в уже разбомбленную и оккупированную его коллегами по журналу «Кольерс» Советскую страну.

И в выборе темы, и в выборе года,

как на ладони, весь Джон Б. Пристли, людоедствующий лейборист, или, вернее, лейбористствующий людоед, по слабости нервов не выносящий вида крови, но готовый, прикрыв глаза, подождать, пока его коллеги убьют несколько миллионов человек с тем, чтобы он впоследствии мог прохвастаться по оккупированному Советскому Союзу и увидеть среди развалин городов удобные ему декадентские литературу и искусство. Так и кажется все время, когда читаешь эту статью, что, случись Джон Б. Пристли отвечать за нее перед честными людьми, он скончался бы в извиняющуюся полуулыбочку и скажет: «За что меня? Я ведь не Мерроу. Я не сбрасывал на Москву атомной бомбы. Я интеллигентный, я тихий, я чистенький. Я только насчет литературы и искусства».

И захочется честным людям воздать Джону Б. Пристли, чистенькому людоеду в белых перчатках, полной мерой — и за прегрешения, и за оговорочки, и за его трусливую извиняющуюся полуулыбочку пожилой содержанки с «ярко выраженными левыми тенденциями».

Откровенно говоря, не хочется пачкаться, копаясь в содержании статьи Джона Б. Пристли (надо ему отдать должное, вполне достаточно низкопробной, для того, чтобы ничем не выделяться на фоне реальных сочинений всех остальных участников этого номера «Кольерса»).

Для полной ясности остается только до-бавить три обстоятельства.

Во-первых, в своих человеконенавистнических мечтах Джон Б. Пристли вполне сходится с авторами всех остальных статей. Он пьет водку в разрушенном Москве, смотрит балет в полуразрушенном Киеве и ходит по переименованному Ленинграду.

Впрочем, такое совпадение не удивительно. Очевидно, общие мечты о будущем и коллективная работа над планом номера «Кольерса» закономерно привели к одному знаменателю всех его авторов.

Во-вторых, статья Джона Б. Пристли ничем не выделяется из всех остальных статей и по уровню ненависти к советскому народу, достаточно тупой и всеобъемлющей, чтобы Джон Б. Пристли мог успешно соревноваться в ней с Мерроу, Болдуином или Уинчеллом.

Наконец, в-третьих, по уровню познаний, которыми пытается щегольнуть в своей статье Джон Б. Пристли, по уровню его представлений о нашей стране, по уровню его рассуждений о русской душе эта статья — зрелище, поистине убогое до удивления, даже с учетом того, что люди, начинающие систематически продавать свое перо, обычно довольно быстро теряют последние остатки ума и таланта. Поистине о Джоне Б. Пристли в связи с этой статьей можно было бы сказать словами Бернарда Шоу: «Дар пустословия, и ничего больше. А причем тут истина, какое отношение к ней имеет ваше искусство бойко трепать языком? Не больше, чем игра на парнянке».

Какого только ветхого мусора тут нет, который, не будь у этой статьи столь кровопролитной сущности, можно было бы читать только с пачемской! Тут и мечты о возвращении «к атмосфере старой России, атмосфере чистоты, курения табака и беспорядочных философских разговоров», тут и милый сердцу господина Джона Б. Пристли «огромный спрос на все западное и западное», тут и возвращение к мифическому русскому бытию XIX века ориентироваться на Центральную Европу и Францию, тут и деление писателей на неких «славян» и неких «западников», тут и пресловутое «докапывание до самых сокровенных глубин русского духа», тут и некий загадочный «талантливый сибиряк Всеволод Иванович Бабушкин, слава-янин, преисполненный энтузиазма», тут и «последняя бутылка водки», выпитая до дна, и, наконец, студенты ленинградского, то бишь, петроградского университета, которые, оказывается, бурно столпились, чтобы приветствовать Джона Б. Пристли.

Повторю, все эти гимназические упражнения были бы только смешны, если бы за ними, кроме элементарной человеческой глупости, не стояли бы еще элементарная животная ненависть к нашей стране и к ее народу и мечта о том, чтобы превратить этот народ в народ рабов, залить эту страну кровью и именно по этой уже поработанной и окровавленной стране прохвастаться со своим дневником, заносив в него скудные мысли престарелого гимназиста.

Итак, Джон Б. Пристли, который некогда называл советских писателей «совестью мира», ныне, говоря о них, задыхается от ругательства.

Итак, Джон Б. Пристли, который некогда писал, что он «поражен огромными возможностями, которые имеются в Советском Союзе для одаренных и талантливых людей», теперь пишет, что это «темные люди» и помочь им прозреть может лишь сброшенная на них атомная бомба.

Итак, Джон Б. Пристли, который некогда писал, что он «увидел в Советском Союзе социализм в действии и убедился, что он дает хорошие результаты», призывает теперь огнем и мечом уничтожить и этот социализм и эти результаты.

Итак, Джон Б. Пристли, который некогда, заигрывая с английскими избирателями, лицемерно сокрушался: «Сколько вреда, доходящего до трагедии, принесен нам страх перед СССР и бесконечные разговоры против Советского Союза со стороны промышленных магнатов, действовавших заодно с гитлеровцами, муссолини и франко», ныне своим пером сам участвует именно в таком разговоре.

Здесь, собственно говоря, можно опустить занавес над третьим этапом деятельности Джона Б. Пристли.

Трудно, да и не особенно интересно анализировать все малопривлекательные этапы его «эволюции» и уточнять все те моральные и материальные факторы, которые сделали ее столь стремительной.

Сказанного достаточно, чтобы каждый честный человек полностью расстался с теми большими или малыми, давными или недавними иллюзиями, которые он мог питать относительно бывшего писателя Джона Б. Пристли, и отныне поставил на нем то, чего он заслуживает, — крест.